

Время в шляпе О ФИЛЬМЕ «ЗАКАТ»

Василий Степанов

ФОТОГРАФИИ В МАТЕРИАЛЕ RUSSIAN WORLD VISION

НА ЭКРАНЫ ВЫШЕЛ «ЗАКАТ» ЛАСЛО НЕМЕША — ВТОРАЯ КАРТИНА МОЛОДОГО ВЕНГЕРСКОГО РЕЖИССЕРА, ПОЛУЧИВШЕГО «ОСКАР» ЗА СВОЙ ДЕБЮТ «СЫН САУЛА». «ЗАКАТ» БЫЛ В КОНКУРСЕ ВЕНЕЦИАНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ, ГДЕ ПОЛУЧИЛ ПРИЗ КРИТИКИ, — ОСНОВНОЕ ЖЮРИ КОСТЮМНУЮ ДРАМУ О ЗАКАТЕ ЕВРОПЫ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ШЛЯПНОМ МАГАЗИНЕ ПРОИГНОРИРОВАЛО

1910-е, совсем незадолго до начала Первой мировой. Ирис Лейтер (Юли Якаб), благообразная сирота из пансиона, возвращается в родной Будапешт, чтобы навестить шляпный дом «Лейтер», некогда принадлежавший ее семье. Но в модном магазине девушку с фамилией, идентичной вывеске, встречают, мягко говоря, прохладно. Предприятие уже давно — после пожара, в котором и осиротела двухлетняя Ирис, — отошло некоему Оскару Брилли (Влад Иванов), солидному господину: он умело руководит армией покорных модисток и поставляет свой товар даже императорскому двору (в торговом зале есть замурованная комната, где когда-то снимали мерки с императрицы Сисси). Растерявшейся Ирис предлагают приют на одну ночь, и она, для приличия профланировав остаток дня по жаркой венгерской столице, соглашается. Закат погружает город во тьму, в чужой постели копошатся клопы, однако страшнее клопов оказывается внезапный ночной гость — колченогий бородач, заявившийся к спящей Ирис с вестью о том, что ее ищет брат, главарь таинственной банды, по какой-то смутной причине изводящей новых хозяев шляпного гешефта. Ласло Немеша называют новой надеждой венгерского кино: ученик Бельи Тарра, он к своим 40 годам успел прославиться в Канне дебютным «Сыном Саула» (2015) и затем закрепить фестивальную славу «Оскаром» за лучший фильм на иностранном языке. Несмотря на международную славу, Немеш укоренен в локальной кинематографической традиции, и при просмотре большого международного проекта «Закат» вспоминаются прежде всего классические фильмы венгров: «Синдбад» Золтана Хусарика, «Мой XX век» Ильдиико Энъеди или «Частные пороки, общественные добродетели» Миклоша Янчо — разнородные, но тематически схожие рассказы об утомительной, развратной духоте поздней Австро-Венгрии. Большое венгерское кино всегда отличалось новаторской живописностью, которую оно умудрялось при этом сочетать с упрямой верностью литературной традиции. Вот и Немеш,

с одной стороны, дает эдакую «Больницу Никербокер» на пленке, а с другой — по настроению близок лирике умершего в 1919-м венгерского поэта-классика Эндре Ади. Несмотря на предельно современный визуальный облик, «Закат» Немеша — типичный бульварный роман из времен, еще только подбирающихся к модерну. Из новомодных явлений в кадре разве что трамвай и пронзительный финальный взгляд героини — так до Первой мировой в камеру не смотрели. В остальных же перипетиях сюжета — сиротстве, поисках потерянного брата, блужданиях по нутру большого города, приключениях с разбойниками, убийствах, поджогах и куртуазных сценках в высочайших гостиных — читается элементарная таблица палл-фикшена XIX века, глядя на которую, в общем, трудно осознать масштаб тектонических перемен, которые в скором времени предстоит перенести Европе.

Прямолинейное вроде бы название, выбранное Немешем, фиксирует не только страх перед ночью, что поглощает фешенебельный город, перестроенный империей в честь тысячелетия обретения венграми своей родины. Этот «Закат» дан прямо в старомодных начальных титрах: на широкие проспекты рисованного Будапешта накаатывает жуть черных экипажей, люди-призраки льнут к тусклому, еще не всегда электрическому свету. Но есть тут и другой закат, точнее, его предчувствие — закат старого европейского мира, гниловато-сладкий запах которого можно распознать даже в шляпном салоне, вокруг которого наворачивает круги главная героиня, а с ней и весь фильм. В навязчивой кружевной тонкости (Немеш ничего не говорит прямо, а все ходит вокруг до околов) многие критики уже поспешили увидеть главную слабость картины. Дескать, слишком уж рьяно изысканный автор упивается операторским мастерством Матяша Эрдеи и эффектом, который дает 35-миллиметровая пленка, костюмами и хореографией второго плана, на котором порой происходит что-то столь невообразимое, из-за чего хочется пересмотреть фильм сразу же после выхода из зала. К чему эти формальные красоты? Что будет, когда рассеется этот сладкий дым? И почему нам так и не дают толком понять, что это за разбойники сжигают старый порядок, внезапно принявший форму шляпного магазина? Немеш сплетает свое кино из мириад линий, которые сходятся и расходятся, словно тончайшие нити в кружевах, которыми обернуты модистки в ателье «Лейтер». Но лишь один элемент конструкции присутствует в кадре постоянно — это шляпы. Какой замечательной наглостью должен обладать автор, чтобы превратить головной убор в лейтмотив фильма о крахе цивилизации! Действительно, что может быть красивее и несвоевременнее дамской шляпки, когда совсем скоро полетят головы? Фильм начинается с долгой примерки в салоне «Лейтер», а заканчивается проходом потерявшей широкополый убор героини. Что ж, смерть империи и старого мира — достоянный повод для того, чтобы снять шляпу.

В прокате с 18 октября